

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

**РАННИЕ ПАМЯТНИКИ УДМУРТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ВУЗОВСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ**

Abstract. Early Monuments of Udmurt Written Language in Philology and Higher Education

According to B. I. Karakulov, there are 418 monuments written in Udmurt or built up on the basis of Udmurt materials, which are compiled and published from the 18th century to 1917. At present an absolute majority of them are kept outside the Udmurt Republic — in Moscow, St. Petersburg, Kazan, Vyatka, and Perm. Monuments of both written language and dialects are among the most important sources for the research of the formation and functioning of a language, on the one hand, and for the development and enrichment of the language system at all levels of its literary form, on the other hand. In order to provide efficient use of the early monuments of written Udmurt in research and teaching, their originals as well as duplications should certainly be gathered in Udmurt State University, which is a leading center for studying and teaching Udmurt philology. The most important manuscripts should be published, and those publications that have become a bibliographical rarity should receive a new edition.

Keywords: Udmurt language, language history, literary language, written monuments, spelling system, orthology.

0. Как известно, основными источниками изучения истории формирования и функционирования языка, с одной стороны, и развития и обогащения выразительных средств на всех уровнях системы его литературной формы, — с другой, являются живые диалекты и памятники письменности на протяжении его документированной истории.

1.1. Современный удмуртский язык располагает разветвленной системой относительно близких друг к другу диалектов в различной степени исследованности; по крайней мере абсолютное большинство из них представлено текстовым материалом, хотя и не совсем равномерно, часть описана в рукописных (на диссертационном уровне) и изданных монографиях и/или в серии статей и текстовых публикаций.

Определенная изученность удмуртских диалектов, особенно на фонетическом уровне, дала возможность современным историкам удмуртского языка не только декларировать значение диалектных данных для исторической фонетики (Кельмаков 1990; а также 2003 : 75—87), но и с достаточной полнотой использовать их в своих лингвистических штудиях не только как объект исследования, но и как источник (Тараканов 1964; 1976; 1998 : 78—94 и др.; Тепляшина 1970; 1971; 1972 и др.; Кельмаков 2003 : 87—135, 156—184; 2004 : 21—62, 118—173, 269—328 и др.).

1.2. Что же касается использования диалектного материала — преимущественно словарного — для пополнения лексики литературного языка, то оно в некоторой степени затруднено из-за недостаточной исследованности современных говоров в лексическом отношении; заслуживающие внимания диалектологические словари удмуртского языка уже имеют более чем или почти вековой возраст (Munkácsi 1896; Wichmann 1893 (материалы для него были собраны в конце XIX в.); Борисов 1932), большинство из них издано за рубежом в строго научном исполнении и в переводе на иностранные языки, так что для определенной группы удмуртских пользователей (писателей, журналистов и др.) в целях пополнения литературного языка они недоступны. Тем не менее часть диалектных слов, в том числе и из этих словарей, была включена в самый последний из нормативных словарей литературного языка с пометой *диал.*, но без указания на конкретную диалектную принадлежность (УРС 1983); диалектная лексика обильно вводится и в составляемый в настоящее время отделом языкознания Удмуртского института истории, языка и литературы (ИЯЛ) УрО РАН обновленный удмуртско-русский словарь. Кроме того, ряд удмуртских литераторов использует в своих произведениях специфичную лексику и диалектные формы родного говора (см. об этом: Вахрушев 1983; Кельмаков 2001; 2003а и др.). Эта работа писателей по обогащению удмуртского литературного языка номинативной и/или стилистически окрашенной диалектной лексикой и фразеологией в последние годы получила больший размах, нежели в предшествующие десятилетия.

2. Разностороннее использование ранних письменных памятников удмуртского языка как источников для самых различных целей весьма затруднено по некоторым причинам, как объективным, так и субъективным.

2.1. Самые ранние письменные памятники — по меткому выражению Д. В. Бубриха (1948 : 28), «свидетельства наблюдателей» — появились довольно поздно, лишь в первой трети XVIII столетия. К тому времени, судя по материалам даже самых ранних письменных документов, фонетическая система, грамматический строй и основной лексический фонд удмуртского языка уже установились почти в рамках современного употребления, а посему они объективно не могли отразить ни более ранние состояния всех уровней праудмуртского языка, ни процесса протекания важнейших исторических изменений в нем. Следовательно, роль ранних письменных памятников в качестве одного из источников при изучении истории строевых элементов системы удмуртского языка (фонетики, морфологии и др.) по различным объективным причинам: из-за некачественности записи, немногочисленности памятников и незначительности их объема, жанрового однообразия и бедности содержания, неопределенности их диалектного соотношения и — самое важное — позднего характера их появления (подробнее см. Кельмаков 2003 : 78, 138—139) — незначительна. Однако и как второстепенный, дополнительный, источник применение находят лишь единицы из них, практически лишь те, которые имеются в распоряжении ученых: составленные в научных целях и опубликованные на рубеже XIX—XX вв. (напр., Aminoff 1886; Munkácsi 1887; 1896; Wichmann 1893; 1901; 1901a); изданные впервые или переизданные во второй половине XX в. (см. Тепляшина 1965; Соч. 1775; Кротовъ; Могилинъ; Еванг. Сар. 1847; Еванг. Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Азбука Гл. 1847 и др.), а также издания, оригиналы или копии с которых по счастливой случайности оказались в личных библиотеках исследователей.

2.2. Более перспективно использование ранних письменных документов в качестве первостепенного источника применительно к литературному языку, во-первых, при изучении истории его становления и функционирования, во-вторых, для развития и обогащения его выразительных средств. Следует иметь в виду, что полезность этих памятников удмуртского языка и эффективность применения их в указанных целях в существенной мере зависит от ряда факторов: 1) характера письма документа (латиница/кириллица, орфография/транскрип-

ция); 2) объема языкового материала; 3) жанра памятника (способа использования удмуртского материала в нем) и т. д.

2.2.1. Удмуртская письменность возникла и первоначально существовала на латинской графической основе: на ней были составлены первые рукописные памятники 20-х годов XVIII в. (Каракулов 2006 : 118), напечатаны первые удмуртские слова в известной книге Ф. Й. Страленберга (Strahlenberg 1730); первичные варианты словариков Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Э. Фишера и др.; латинский же шрифт был использован при публикации первого перевода молитвы «Отче наш» (подробнее: Тепляшина 1965 : 229—233). Удмуртское письмо на кириллице, приспособленной к записи удмуртских слов несколько позднее латиницы и некоторое время сосуществовавшей с последней, в конце XVIII в. под влиянием окружающей общественно-политической и культурной обстановки и мощным давлением престижа первой грамматики удмуртского языка (Соч. 1775), полностью вытеснило латиницу из бытового и общественного обихода. Не случайно в конце столетия уже на кириллице печатались удмуртские материалы в переводах на русский язык П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера; на ней же составлены наиболее значимые памятники конца XVIII в. — словарь З. Кротова (Кротовъ 1785), грамматики М. Могилина (Могилинъ 1786) и М. Мышкина (1795). О безусловной победе кириллической графики над латиницей в удмуртской письменности свидетельствуют первые удмуртские книги (Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Еванг. Гл. 1847; Еванг. Сар. 1847), изданные на кириллице.

Латинская графика сохранилась в дальнейшем (речь в данном случае идет о периоде XVIII — начало XX в.) лишь в научных исследованиях (в публикациях диалектных текстов, диалектных словарях) — в транскрипционной записи, а также в грамматических очерках и другого рода исследованиях для передачи иллюстративного материала на удмуртском языке — в транскрипции и/или орфографии; авторами тех и других выступали преимущественно зарубежные финно-угроведы. Единственным исключением в этом ряду для рассматриваемого времени является, пожалуй, «Грамматика вотяцкого языка» А. И. Емельянова (1927), где удмуртский материал представлен в транскрипции на латинской графической основе.

Разумеется, удмуртские памятники письменности на латинице, значимые для изучения и развития лексики и грамматики удмуртского языка, не пригодны в качестве источника при изучении истории становления нынешней графики и орфографии.¹

2.2.2. Абсолютное большинство письменных документов XVIII — начала XX в. составлены в орфографической записи своего времени на латинице (незначительная часть) или на кириллице (основная). Однако имеется определенное количество изданий и рукописей в транскрипционной записи (преимущественно на латинской графической основе): диалектные словари Б. Мункачи (Munkácsi 1896), Ю. Вихманна (Wichm.) (материал был записан на рубеже XIX—XX вв.); текстовые публикации по удмуртским диалектам с параллельным переводом на другие (венгерский, финский, немецкий, русский) языки, произведенные Б. Мункачи (Munkácsi 1883; 1887), Т. Г. Аминоффом (Aminoff 1886), И. Н. Смирновым (Смирновъ 1890 : Приложение), Ю. Вихманном (Wichmann 1893; 1901; 1901a), а также неопубликованные лексические записи Б. Мункачи (MS 598/I—II), хранящиеся ныне в архиве Венгерской академии наук.

Эти материалы, изданные или составленные исключительно в научных целях, представляют собой ценнейший источник пополнения литературного языка, однако они малопригодны для изучения истории удмуртского письма (графики,

¹ «Появившиеся до 1917 года не кириллические издания все без исключения имеют научную направленность, и хотя в них и говорится об удмуртах, но предназначены они не для удмуртов, поэтому на становление удмуртской письменности они не могли иметь никакого влияния» (Домокош 1993 : 134).

орфографии и, возможно, пунктуации), ибо удмуртская письменность с XVIII в. постепенно перешла на кириллическую графику, с одной стороны, а орфографические и пунктуационные правила транскрибированных текстов существенно отличаются от правил оформления слов и предложений при орфографической записи их, с другой.

На первый взгляд, несколько особняком стоят книги, в которых использована своеобразная система письма, совмещающая орфографический и транскрипционный способы записи (Св. Ист. 1877; Еванг. 1877; Гавриловъ 1880; Слав.-вот. сл. 1892 и др.), что привело в конечном счете к чрезмерной перегрузке алфавита за счет дублирования знаков/букв для фиксации одних и тех же фонем различными способами письма. К примеру, палатальность определенных согласных в одних и тех же комбинаторных условиях обозначена двумя (иногда и тремя) способами. В частности, в издании «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяков Казанской и Вятской губерній» (Гавриловъ 1880) палатальный согласный *ń* (= *н'*) фиксируется с помощью специальной буквы *њ* (транскрипция), последующего йотированного гласного или мягкого знака (орфография): *Вањка* (с. 58) — *Ванька* (с. 58, 59) 'Ванька' — *Ваня* (с. 62) 'Ваня', *пињал піос* (с. 31, 32) — *пинял піос-* (с. 37) '(молодые) парни'; палатальный *l'* — посредством особой буквы *л* (транскрипция) и с помощью последующей йотированной гласной буквы (орфография): *лукмэс* (с. 65) 'прорубь' — *люгыт* (с. 4) 'светло', *люкалоз* (с. 27) 'соберет, накопит', *силэд* (с. 64) 'твое мясо' — *силез-* (с. 63) 'мясо (акк.)' и т. д. Поэтому алфавит книги содержит, по моим уточненным подсчетам, 49 букв,² в то время как графика современного литературного языка состоит из 38 букв. Тем не менее графику и орфографию памятников этого типа следует квалифицировать как своеобразный этап в истории графики и орфографии удмуртского литературного языка: на основе этого письма определенное время издавались популярные книги (в том числе школьные учебные пособия) для практического пользования среди «казанских» удмуртов и соответственно на нем велось обучение детей в школе.

2.2.3. Зависимость эффективности/неэффективности использования письменных памятников при изучении истории литературного языка от их объема вполне очевидна: чем пространнее письменный документ, тем, разумеется, больше необходимых и полезных сведений из него можно извлечь.

2.2.4. Зависимость же информативности письменного памятника от его жанра, по-видимому, нуждается в некотором объяснении. Как известно, из памятников письменности, содержащих лишь словарный материал (словари, путевые заметки, этнографические описания, грамматические очерки и др., составленные на иных (русском, немецком, венгерском, финском и др.) языках и содержащие удмуртские лексические реминисценции и иллюстративные примеры и т. д.), предоставляются в распоряжение историка литературного языка значительно меньше информации (сведения о графике, орфографии, фонетике и лексике), нежели связанные тексты (оригинальные и переводные книги и др.). Информативность последних по сравнению с информативностью первых повышается по всем параметрам за счет предоставляемых в распоряжение исследователя сведений о пунктуации, особенностях морфологии и синтаксиса памятника; кроме того, значительно расширяются сведения и об орфографии, так как в текстах — в отличие от словарей — слова выступают в самых различных грамматических формах и синтаксических сочетаниях.

² В. К. Кельмаков, К истории удмуртской графики (Б. Г. Гаврилов и Г. Е. Верещагин) (В печати). В относительно недавно вышедших из печати работах указывается не совсем точное количество букв: то 47 (за исключением весьма редкоупотребительных букв *ь* и *ä*) (Кельмаков 2003б : 177), то 44 (за счет повторного включения *ж* и исключая сложные или некоторые простые буквы (*дж* = *ǰ*, *дж* = *ǰ*, *тш* = *č*, *ув* = *ц*, *ç* = *ś* и *Ä* = *ä*)) (Тараканов 2001 : 298).

3.1. Несмотря на то, что к ранним памятникам письменности удмуртские лингвисты время от времени обращались по поводу (пере)издания или исследования отдельных памятников либо некоторых сторон их и даже был составлен предельно полный каталог дореволюционных письменных памятников удмуртского языка, включающий свыше 400 наименований (Каракулов 2006 : 114—207), однако широкомасштабное использование их в описательном и историческом исследовании удмуртского языка еще не начато, хотя необходимость и определенная возможность этого явно просматривается. Материалы ранних письменных документов реально расширили бы круг рассматриваемых проблем, обогатили бы эмпирическую базу и тем самым углубили бы теоретическую разработку почти всех направлений удмуртской филологии.

Для большей наглядности обращусь к одному из возможных проектов в удмуртском языкознании, реализация которого оказала бы существенную помощь в решении теоретических и практических задач планомерного использования материалов письменных документов на удмуртском языке в научно-исследовательской и учебно-методической работе: это составление исторического словаря удмуртского языка XVIII — начала XX столетия. Прежде чем составить на основе ранних письменных памятников генеральный компендиум удмуртской лексики от А до Я, по-видимому, следует начать с лексикографической разработки конкретных памятников или групп однотипных документов. Такой подход наиболее целесообразен, ибо при этом расписание лексического материала каждого памятника совершенно автономно, т. е. не зависит от разработанности/неразработанности других письменных памятников. Создание многотомного генерального компендиума удмуртской лексики XVIII — начала XX в. возможно лишь на следующем этапе работы — после составления/издания словарей по всем (важнейшим) памятникам указанного периода. Параллельное существование в удмуртской филологии обоих видов исторических словарей исключительно важно: если аналитические словари по конкретным памятникам станут основой для изучения языка отдельных и/или группы однотипных либо хронологически связанных между собой письменных памятников или углубленного изучения определенного этапа в истории удмуртского письма и литературного языка, то обобщающий компендиум, будь он к тому же издан, предоставит в распоряжение лексикографа готовый материал для составления словарей различных видов; даст в руки лексикологу сведения об архаизмах и историзмах; у фонетиста появится возможность с легкостью проследить варьирование фонетического состава и облика слов, обусловленное историческими, диалектологическими и другими причинами. Такой словарь был бы полезен и для практических работников в области удмуртского языка: авторов вузовских и школьных учебников и учебных пособий, писателей, поэтов, журналистов, работников радио и телевидения — в «добыче» ими метких и точных, порою давно забытых, слов и выражений, дабы при этом каждому из них в отдельности не приходилось «единого слова ради» ворошить «тысячи тонн словесной руды» в виде многочисленных письменных памятников.

3.2. Что касается вузовского преподавания удмуртской филологии, то языковые материалы ранних рукописных и печатных памятников удмуртского языка окажутся востребованными в следующих направлениях.

3.2.1. Разумное использование документов на удмуртском языке создаст благоприятные условия для обогащения эмпирической базы при составлении более совершенных учебников и учебных пособий и тем самым для повышения теоретического уровня преподавания таких дисциплин удмуртоведческого цикла, которые входят в программу факультета удмуртской филологии УдГУ, как-то: «Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию», «История изучения удмуртского языка», «Удмуртская диалектология», «Историческая грамматика уд-

муртского языка», «Формирование и развитие удмуртского литературного языка», «Стилистика удмуртского языка», «Сравнительная грамматика финно-угорских языков», «Удмуртский фольклор», «История удмуртской литературы» (особенно начальный ее период) и т. д.

При этом, разумеется, не следует забывать, что не все названные вузовские предметы в одинаковой степени нуждаются в материалах раннеписьменных памятников. Так, если курс «История возникновения и формирования удмуртского литературного языка» почти полностью строится на письменных памятниках различных периодов, по курсу «История изучения удмуртского языка» приходится обращаться к письменным документам (правда, несколько иного рода), то в ряде других учебных курсов, например, «Современный удмуртский язык», «Сравнительная грамматика финно-угорских языков», материалы ранних письменных памятников удмуртского языка менее востребованы — они используются лишь эпизодически и весьма дозированно. Тем не менее уместное обращение к ранним письменным источникам способно украсить любую учебную дисциплину удмуртоведческого цикла.

3.2.2. Памятники письменности XVIII — начала XX в. необходимы как для студентов, так и для аспирантов и докторантов еще в двух отношениях: во-первых, старописьменные материалы способны существенно обогатить источниковую базу при выполнении студентами различных видов самостоятельных работ (рефератов, курсовых и выпускных квалификационных проектов) и при работе аспирантов и докторантов над диссертациями и публикациями по ним; во-вторых, они провоцируют углубление и расширение старых и возникновение новых тем, проектов и направлений в научной работе всех категорий исследователей удмуртской филологии.

3.2.3. На основе ранних письменных документов на удмуртском языке и при частичном использовании их в качестве дополнительных источников при необходимости могут быть созданы новые учебные дисциплины для магистратуры на факультете удмуртской филологии.

4. В данной работе речь о возможности и/или необходимости использования ранних памятников удмуртской письменности в исследовательских и учебных целях ведется, как можно заметить, в формах условного наклонения или будущего времени изъявительного наклонения. И это не случайно, ибо реальное пользование почерпнутыми из письменных документов языковыми фактами и сведениями наталкивается на трудно- или непреодолимое на сегодняшний день препятствие — отсутствие абсолютного большинства рукописей и раннепечатных изданий в распоряжении потенциальных потребителей — студентов, аспирантов, преподавателей, ученых и др. Удмуртский государственный университет располагает в настоящее время лишь единицами из этих памятников, незначительная часть имеется в Национальной библиотеке Удмуртской Республики и Удмуртском институте ИЯЛ УрО РАН; основная же часть хранится в соответствующих архивах и хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Вятки, Перми. Отсутствие интересующих нас документов в архивах и научных центрах Ижевска, можно, по-видимому, объяснить следующими причинами.

4.1. Поскольку на территории будущей Удмуртской Республики не было крупного административного центра, города Сарапул и Глазов были лишь уездными центрами, а Ижевск считался рабочим поселком при железоделательном заводе и статус города получил лишь после революции, старые архивные документы, в том числе и на удмуртском языке, оседали за пределами территории будущей республики.

4.2. В годы советской власти вплоть до последних десятилетий XX в. в правящих кругах (порой и среди исследователей и методистов — составителей учебников) республики господствовала ложная — а в конечном итоге вредоносная — доктрина о том, что до Октябрьской революции у удмуртов не было письмен-

ности на родном языке.³ А это значило: отделом науки и образования Удмуртского обкома КПСС, который курировал «планомерное» развитие науки в Удмуртской АССР, отнюдь не поощрялась — вернее, молчаливо запрещалась — популяризация ранних рукописных и печатных памятников удмуртского языка (к тому же многие были клерикального характера⁴), и научные учреждения республики, находившиеся под неусыпным идеологическим надзором, не имели возможности (или скорее дозволения) заниматься поисками и приобретением оригиналов или копий с ранних рукописных и печатных памятников удмуртского языка, хранящихся у частных лиц или в соответствующих государственных учреждениях за пределами республики.⁵

³ Хотя изредка и раздавались голоса о дореволюционных печатных и рукописных памятниках удмуртского языка типа: «Письменность и литература хотя и начала развивать свое существование с конца 1700 годов...» (Десять лет УАО 171); «Первые печатные книги на удмуртском языке появились еще в начале XIX века» (Двадцать пять лет Сов. Удм. 162); «В Ленинграде в архиве Академии наук СССР и в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в настоящее время хранятся рукописные словари и другие работы по удмуртскому языку, относящиеся к концу XVIII и началу XIX столетий» (Тараканов 1959; 1998а : 330) и др. — тем не менее в официальных документах чаще всего продолжали писать, что удмуртский народ был «лишен царизмом печатного слова» (Удмуртия за 40 лет 206) или — конкретнее — «До Великой Октябрьской социалистической революции удмуртский народ ни своей письменности, ни тем более художественной литературы не имел» (Тридцать лет Сов. Удм. 144) и т. п. Подобные сведения из публицистической литературы попадали и в серьезные научные издания, напр.: «У финского и эстонского языков письменность на основе латинского алфавита; у марийского и мордовских — издавна на основе русского алфавита; у коми-зырянского, удмуртского и коми-пермяцкого — на русской основе (с 30-х годов XX в.)» (Реформатский 2006 : 425).

Иной тип выражения нигилистического отношения к культурному наследию удмуртского народа — отрицание литературного статуса языка дореволюционной печати, на котором издавались переводная богослужебная и научно-популярная, оригинальная публицистическая, учебно-методическая литература и произведения зарождающейся художественной литературы, велось преподавание в начальной школе — существовал и ранее (Бутолин 1937 : 5), и в несколько завуалированной форме встречается вплоть до последних лет. Это касается не только школьных учебников (напр. «Удмурт литературной кыл Октябрь революция бере гинэ кылдэ но, солэн нормаосыз умой-умой юнманы кутско ни 30-тй аръёсы» 'Удмуртский литературный язык возникает лишь после Октябрьской революции, и его нормы начинают уже по-настоящему устанавливаться в 30-е годы' (Удмурт кыл 1971 : 203; см. также: Удмурт кыл 2003 : 202), но и весьма солидного справочного издания — энциклопедии Удмуртской Республики («Удм. Л. я. сложился в 20—50-е гг. 20 в. в результате концентрации разл. диалектов и говоров...» (Тараканов 2000 : 458).

⁴ По мнению экспертов 1930—1970-х годов (Десять лет УАО 172; КЛЭ 726; Ермаков 1976 : 84), среди всех дореволюционных изданий 50—90% имеют «божественный» или «религиозный» характер: 1) книги «излагающих основные догматы христианской веры»; 2) «агиографические книги»; 3) «нравственно-дидактические книги, выпущенные с целью распространения среди удмуртов религиозной морали» (Ермаков 1975 : 84).

⁵ Впервые, по всей видимости, претендующий на полноту список названий 124 удмуртских книг, изданных с XVIII в. по 1910 г., дал К. Герд (Ермаков 1976 : 83); позже исследователи называли лишь количество книг (и рукописей), не давая списка, напр.: «В течение 150—160 лет (с конца 1700-х годов до революции. — В. К.) выпущено всего 150 книг» (Десять лет УАО 171—172); «До 1917 г. было опубликовано около 170 удмуртских книг...» (КЛЭ 726); «1917-ig bezárólag mintegy 200 önálló udmurt nyelvű cirillbetűs kiadvány jelent meg...» 'До 1917 года включительно появилось около 200 удмуртских изданий кириллицей...' (Domokos 1975 : 161; Домокош 1993 : 134); «По весьма неполным данным (отсутствуют материалы за 1911 год) удмуртских книг и брошюр до Великой Октябрьской революции издано 216 названий» (Ермаков 1976 : 83); «Благодаря исследованию памятников удмуртской письменности в последние десятилетия выявлено до 391 наименова-

4.3. Отнюдь не случайно проблемами издания и переиздания письменных памятников и их изучения долгое время в Удмуртском государственном университете (до 1972 г. — Удмуртский государственный педагогический институт) никто не занимался, не значились связанные с ними темы и в плане исследований Удмуртского НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР (ныне Удмуртский институт ИЯЛ УрО РАН).

5. Перелом в отношении к ранним письменным памятникам удмуртского языка наступил, как мне представляется, после двух событий в научной и культурной жизни республики: во-первых, Т. И. Тепляшиной была издана первая часть работы «Памятники удмуртской письменности XVIII века» (1965), в плановом порядке выполненная, разумеется, не в республике, что едва ли было бы возможно не только из-за отсутствия архивных материалов, но и по идеологическим соображениям, а в Москве — в Институте языкознания АН СССР; во-вторых, в 1975 г. в связи с двухсотлетием выхода в свет первой удмуртской грамматики «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» (Соч. 1775) она была переиздана, состоялась посвященная ей республиканская научная конференция «200 лет удмуртской письменности». На этом форуме вместе с «приглашенными гостями — представителями братских автономных республик и областей» присутствовало свыше 400 человек (Вахрушев 1976 : 3). Именно на нем впервые с высокой трибуны прозвучали слова о том, что удмуртская письменность возникла задолго до Октябрьской революции — в XVIII в.⁶

Эти события — на первый взгляд, малозначительные, — развеяв «миф о ненаучном толковании начальной истории удмуртской письменности и письменно-литературного языка» и доказав, что «удмуртский язык относится не к младописьменным языкам, а к старописьменным языкам с небольшой дореволюционной литературой» (Вахрушев 1976а : 3), не только свидетельствовали об определенных сдвигах к потеплению в общественно-политической и идеологической жизни респуб-

ния различного жанра, созданного в дореволюционный период» (Каракулов 1997а : 33); «Количество дореволюционных письменных памятников, опубликованных или написанных до революции на удмуртском языке, по весьма неполным данным доходит до 400 названий» (Каракулов 2004 : 530) и т. д. И лишь последний автор в «Каталоге дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке» представил список, включающий 418 названий (Каракулов 2006 : 118—200).

⁶ Ставить возникновение удмуртской письменности в непосредственную связь с изданием грамматики 1775 г. стало общим местом в удмуртском языкознании: «Эта грамматика для удмуртского народа имеет большое историческое значение: она положила начало письменности...» (Вахрушев 1976а : 3); «Грамматика 1775 года — это неоценимый дар передовой русской филологической науки удмуртскому народу, до этого не имевшему своей письменности» (Алатырев 1976 : 21); «Та книга бордысен кутскиз удмурт письменность» 'С этой книги началась удмуртская письменность' (Удмурт кыл 2005 : 5); и т. д. Памятуя о том, что: «Письмо — знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать информацию на расстояние или закреплять ее во времени» (Рус. яз. 2003 : 339), возникновение удмуртского письма следует отнести к 20-м годам XVIII века: сохранились первые рукописные записи удмуртских слов 1720 и 1726 гг., произведенные Д. Г. Мессершмидтом (Каракулов 2006 : 118), а первые удмуртские слова в печатном исполнении появились в книге Ф. Й. Страленберга «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet...» в 1730 г. (Strahlenberg 1730). Зарождение письменности на каком-либо языке на зависит от того, была издана грамматика этого языка или нет. Порою между этими важнейшими событиями в культурной жизни народа наблюдается значительный хронологический разрыв. Так, коми письменность, созданная Стефаном Пермским в конце XIV в., на много веков опередила появление первой грамматики коми языка — книги Ф. Козлова и А. Ф. Флёрова «Зырянская грамматика, изданная от главного управления училищ» (1813 г.) (Коми яз. 1998 : 183—185, 525).

лики, но и имели далеко идущие положительные последствия для развития удмуртской филологической науки и образования. Последние проявились в том, что 1) вслед за первой грамматикой удмуртского языка (Соч. 1775) продолжается издание или переиздание рукописных и раннепечатных памятников удмуртского языка и языкознания (Кротовъ; Могилинь; Верещагин 2001; 2002; Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Еванг. Гл. 1847; Еванг. Сар. 1847 и др.);

2) значительно активизировались начатые в 1970-е годы исследования, посвященные первой удмуртской грамматике (Алатырев 1975; 1976; 1977; Вахрушев 1975; Кельмаков 2001а и др.) и другим памятникам или некоторым сторонам их (графике, орфографии и т. д.) (Тепляшина 1965а; 1971а; Ермаков 1976; Csúcs 1983; 1984; Каракулов 1987а; 1987б; 1991; 1997 и др.; Ившин 1998; 2001; 2001а; 2002; 2002а; 2002б; 2004; 2005; 2006; 2006а; 2007 и др.; Тараканов 2001 и др.; Кельмаков 2003б; 2004а; 2007 и др.), проблемам фиксации некоторых явлений грамматики в памятниках письменности и истории строевых элементов удмуртского языка (Тепляшина 1973; Тараканов 1977; Калашникова 1976 и др.), вопросам истории удмуртского литературного языка в связи с ранними памятниками письменности (Вахрушев 1976а; Каракулов 1987; 1997; 1997а; 2004; 2006) и т. д.;

3) этапы развития удмуртского литературного языка и отдельные параметры письменности стали объектом исследования в кандидатских диссертациях: Б. И. Каракулов, Диалектная основа удмуртского литературного языка (Каракулов 1987); Л. М. Ившин, Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века (на стадии написания);

4) учебный план факультета удмуртской филологии обогатился курсами «История изучения удмуртского языка» (с 1972 г.) и «История формирования и развития удмуртского литературного языка» (с 1993 г.);

5) как результат многолетних поисковых работ был опубликован долгожданный каталог дореволюционных письменных памятников удмуртского языка, включающий 378 датированных и 40 недатированных документов с указанием на их местонахождение, объем и источники сведений о них (Каракулов 2006 : 114—207).

6. В настоящее время перед удмуртскими филологами и научными учреждениями стоит важная задача полнокровного и целенаправленного включения корпуса ранних письменных документов на удмуртском языке в научные разработки по всем видам и темам исследований, где их материал необходим, а для этого следует 1) создать в Удмуртском государственном университете полный фонд рукописных и печатных письменных памятников удмуртского языка XVIII — начала XX в., хранящихся у частных лиц или в соответствующих архивах за пределами Удмуртской Республики, путем приобретения оригиналов или снятия с них копий; 2) продолжить печатание важнейших из рукописей и уникальных раннепечатных памятников удмуртского языка с тем, чтобы ими могли свободно пользоваться все желающие, кем бы они ни были и где бы ни находились.

7.1. Только при использовании предельно полного состава этих документов могут быть адекватно решены вопросы, скажем, истории литературного языка или частных проблем, связанных с ним. В противном случае все наши штудии, базирующиеся на частичном использовании ранних письменных источников, хотя и поданные под претенциозными заголовками типа «История...», могут оказаться лишь весьма скромными «к истории»-ями, «материалы к истории»-ями, «из истории»-ями и т. п., как получилось, к примеру, со статьей «История удмуртской графики», написанной с учетом лишь десятка почти случайно подвернувшихся под руку изданий (Тараканов 2001).⁷ Между тем, чтобы подобное исследование соот-

⁷ В статье упомянуты 12 дореволюционных изданий, просмотренных автором лично, и еще 5 — со ссылкой на работу Г. Е. Верещагина (Верещагинъ 1895). В этом отношении название «Из истории удмуртской графики» тезисов доклада Т. И. Тепляшиной (1965а), написанных на основе 15 изданий начиная с XVIII в. по 1916 г., следует, по-видимому, признать более корректным.

ветствовало своему названию «история», необходим обзор чуть ли не всех удмуртскоязычных документов на кириллице из более чем 400 памятников дореволюционной письменности (печатных и рукописных) и солидного количества послевоенных, ибо почти каждый из ранних авторов (некоторые — в разных публикациях!) и издателей (Б. Гаврилов, Г. Е. Верещагин, В. А. Исслентьев, И. С. Михеев, И. В. Яковлев, Т. К. Борисов и др.) пользовался собственной системой графики, и пропуск в учете какого-либо издания или рукописи может привести к неточностям и ошибкам в выводах. Так, в упомянутой статье весьма громоздкая графическая система в 49 букв (перечислены фактически лишь 43 буквы, автор же насчитывает 44 за счет повторного включения в перечень буквы *ж*; Тараканов 2001 : 298) безоговорочно приписывается весьма популярной среди филологов книге «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» Б. Гаврилова (Гавриловъ 1880),⁸ хотя эта графика ранее уже была использована в не известных упомянутому автору книгах «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ» (Св. Ист. 1877), «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея» (Еванг. 1877) и др. Не имея в своем распоряжении полного состава изданий, выполненных при помощи данной графики, невозможно, разумеется, решить проблему авторства последней.

Далее, «история» удмуртской графики не может быть составлена, пока не будет, к примеру, выявлено, когда и в какой книге или рукописи, проходя через какие перипетии, утвердились современные буквы *Ӗӓ* и *Ӛӛ* для обозначения соответствующих гласных фонем удмуртского литературного языка и буквы *Ӝӝ*, *ӚӚ*, *ӜӜ* — для фиксации аффрикат: ведь их еще не было в первой грамматике удмуртского языка (Соч. 1775).⁹ И еще: требует уточнения, в какие хронологические рамки укладывается использование в удмуртской графике буквы *Jj* в начале слова в «иероглифической» функции для обозначения фонемы *j*- (= *й*-) для носителей одних диалектов и фонемы *d'*- (= *д'*-) — других,¹⁰ знака ‘ — в

⁸ Кстати, приписывание отдельных графических и орфографических явлений, встречающихся уже в изданиях 1877 года (Св. Ист. 1877; Еванг. 1877), более поздней книге «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» (Гавриловъ 1880) имеет место и в работе Т. И. Тепляшиной «Из истории удмуртской графики» (1965а : 112, 114), напр.: буквы *ӓ* (для гласной фонемы *e*), *ӓ* (для огубленного гласного *o*), *ӝ* (для палатальных аффрикаты *ʃ* и/или щелевого согласного *ʒ*) и др.

⁹ Автор упомянутой статьи «История удмуртской графики» пишет: «Краткий славяно-вотский словарь», изданный в 1897 году в Казани, также содержит 42 буквы. Новое в данном алфавите (по сравнению с алфавитом букваря 1882 г. — В. К.) то, что появляются надстрочные знаки (точки) для обозначения *ӓ*, *ӝ*, *Ӛ*, *ӛ*...» (Тараканов 2001 : 298—299). К сожалению, трудно согласиться с подобным утверждением, ибо между изданиями 1882 и 1897 гг., судя по «Каталогу дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке», не один десяток памятников удмуртской письменности (Каракулов 2006 : 137—153), так что возникают два вопроса, на которые статья не дает четкого ответа (или скорее дает не совсем верный ответ): действительно ли именно в словаре 1897 г. (а не в другом памятнике до него) впервые появились вышеназванные удмуртские буквы с точками? и все ли эти буквы начали употребляться одновременно?

¹⁰ «Буква *J* у Казанскихъ вотяковъ произносится как *дъ*, у Вятскихъ вотяковъ она произносится как *й*» и «*J* въ началѣ слова у Казанскихъ Вотяковъ и въ срединѣ слова повсемѣстно произносится какъ *дъ*; У Вятскихъ Вотяковъ въ началѣ слова произносится какъ *й*» (Гавриловъ 1880 : 4, 187). Позднее функциональная нагрузка буквы *j* несколько изменилась — она стала употребляться лишь для обозначения анлаутной междиалектной корреспонденции *j*- // *d'*-, что нашло отражение в учебнике И. С. Михеева (Михеевъ 1907 : 67): «*J*. Та букваез Вятскій удмуртѣс *й* кадик чырдо: *йыр*, *йулташ*. Казанскій удмуртѣс *дъ* кадик чырдо: *дъыр*, *дъултош*. Со гоштъське кыллэн аяз гынэ» ('*J*. Эту букву вятские удмурты читают как *й*: *йыр* ('голова'), *йулташ* ('товариш'). Казанские удмурты произносят как *дъ*: *дъыр*, *дъултош*. Она пишется лишь в начале слова').

качестве разделительного. Необходимо проследить по всем письменным документам и такое исключительно важное для удмуртского письма явление, как обозначение палатальности (и велярности) некоторых согласных удмуртского языка в различных позициях в слове и т. д.

7.2. Еще полтора столетия назад видный русский академик И. И. Срезневский составил подробную программу того, как должны быть проработаны (по выражению автора, «обделаны»), прежде чем приступить к написанию истории языка, три группы источников: «старые памятники языка», материалы «по каждому из наречий русских» и «современный язык литературы и образованного общества» (Срезневский 2007 : 80—81). Он пишет: «Каждый из старых памятников языка (выделение мое — В. К.) должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном. По сравнению лучших списков надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттенка его значения, и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы. В том и другом случае должно быть отмечено влияние чужеземных языков» (Срезневский 2007 : 80). И далее: «Только вследствие такого отчетливого монографического перебора памятников языка старого и современного, книжного и народного возможно составление исторического словаря и исторической грамматики; и только вследствие соображения материалов, собранных в таком словаре и в такой грамматике, возможно приступить к полной и подробной истории языка» (Срезневский 2007 : 81).

Через 130 лет аналогичная мысль в более категоричной форме была повторена Ф. П. Филиным в связи с историей русского литературного языка: «История русского литературного языка еще не написана. [---] Написать полную историю русского литературного языка означает исследовать по более или менее единой программе язык всех письменных произведений (выделение мое. — В. К.) от начала письменности на Руси до нашего времени (по крайней мере тех, которые являются типичными для основных тенденций языкового развития, а эту типичность еще предстоит определить), не пропуская ничего важного, существенного, причем на всех уровнях языка» (Филин 1981 : 31).

Подробнейшим образом исследовать «каждый из старых памятников» (И. И. Срезневский), «все письменные произведения» (Ф. П. Филин) любого языка, в том числе и удмуртского, — это не просто благое пожелание отдельных ученых, а объективная необходимость для всех тех языков, которые имеют старые письменные памятники.

Address:

V. K. Keřmakov
Udmurt State University, Iževsk
E-mail: finnugor@udm.ru

Сокращения

Азбука Гл. 1847 — Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому), Казань 1847 (Переиздано: Первые печатные книги на удмуртском языке. Глазовское наречие, Ижевск 2003 (Памятники культуры. Лингвистическое наследие 3), с. 387—558); **Азбука Сар. 1847** — Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому), Казань 1847 (Переиздано: Первые печатные книги на удмуртском языке. Сарапульское наречие, Ижевск 2003 (Памятники культуры. Лингвистическое наследие 4), с. 249—439); **Двадцать пять лет Сов. Удм.** — Двадцать пять лет Советской Удмуртии (1920—1945), Ижевск 1945; **Десять лет УАО** — 10 лет

Удмуртской Автономной Области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921—1931, Ижевск 1931; **Еванг. Гл. 1847** — Господа нашего Иисуса Христа Евангеліа отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія, Казань 1847 (Переиздано: Первые печатные книги на удмуртскомъ языке. Глазовское наречіе, Ижевск 2003 (Памятники культуры. Лингвистическое наследіе 3), с. 13—386); **Еванг. Сар. 1847** — Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотятскомъ языкахъ. Сарапульскаго нарѣчія, Казань 1947 (Переиздано: Первые печатные книги на удмуртскомъ языке. Сарапульское наречіе, Ижевск 2003 (Памятники культуры. Лингвистическое наследіе 4), с. 11—248); **Еванг. 1877** — Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея. Миліам Господь Иисус Христослэн чѣн Евангеліеез. Матѳея гождѣм Евангеліе, Казань 1877; **Коми яз. 1998** — Коми языкъ. Энциклопедія, Москва 1998; **КЛЭ** — Краткая литературная энциклопедія. Т. 7, Москва 1972; **Кротовъ** — З. К р о т о в, Удмуртско-русский словарь, Ижевск 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Елаковскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 г.); **Могилінь** — М. М о г и л и н, Краткой отячкія Грамматикіи опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматикіи, Ижевск 1998 (Памятники культуры. Лингвистическое наследіе); **Рус. яз. 2003** — Русский языкъ. Энциклопедія. Москва 2003; **Св. Ист. 1877** — Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества, Казань 1877; **Слав.-вот. сл. 1892** — Краткіи славяно-вотскіи словарь. Пособіе къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта, Казань 1892; **Соч. 1775** — Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наук 1775 г. — Первая научная грамматика удмуртского языка, Ижевск 1975, с. 15—113; **Тридцать лет Сов. Удм.** — Тридцать лет Советской Удмуртіи, Ижевск 1950; **Удмурт кыл 1971** — А. В. К о н ю х о в а, Р. И. Я ш и н а, Удмурт кыл. Синтаксис, стилистика. 6—8 классѣслы, Ижевск 1971; **Удмурт кыл 2003** — Г. А. У ш а к о в, Н. А. Е р м о к и н а, Г. В. Г о р б у ш и н а, Р. И. Я ш и н а, А. В. К о н ю х о в а, Удмурт кыл. 8—9 классѣслы, Ижевск 2003; **Удмурт кыл 2005** — Г. Н. Н и к о л ь с к а я, И. В. Т а р а к а н о в, Удмурт кыл. 6—7 классѣслы, Ижевск 2005; **Удмуртія за 40 лет** — Удмуртія за 40 лет Советской власти, Ижевск 1957; **УРС 1983** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **MS 598/I—II** — В. М u n k á s s i, Votják szógyűjtés I—II. Poss. MTAK 237/1953; **Wichm.** — Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987 (LSFU XXI).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- А л а т ы р е в В. И. 1975, Введение. — Первая научная грамматика удмуртского языка, Ижевск, 3—15.
 — 1976, Первая грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания. — 200 лет удмуртской письменности, Ижевск, 15—36.
 — 1977, Об авторстве первых чувашской, удмуртской и марийской грамматик. — СФУ XIII, 208—215.
- Б о р и с о в Т. К. 1932, Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь, Ижевск.
- Б у б р и х Д. В. 1948, Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком), Ижевск.
- Б у т о л и н А. С. 1937, Вопросы терминологии и перевода на удмуртский язык. Тезисы, Ижевск.
- В а х р у ш е в В. М. 1975, Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики. — Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3, Ижевск, 3—23.
 — 1976а, Предисловие. — 200 лет удмуртской письменности, Ижевск, 3—4.
 — 1976б, Формирование и развитие удмуртского литературного языка. — 200 лет удмуртской письменности, Ижевск, 37—43.
 — 1983, Диалектизмы в произведениях Г. К. Перевощикова. — Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. Сборник статей, Ижевск, 50—61.

- В е р е щ а г и н Г. Е. 2001, Фольклор. Кн. 1. Удмуртский фольклор. Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки, Ижевск (Памятники культуры. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4).
- 2002, Труды по языкознанию, Ижевск (Памятники культуры. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6, кн. 1).
- В е р е щ а г и н Г. 1895, О книгахъ на вотскомъ языкѣ, Вятка.
- Г а в р и л о в Б. 1880, Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній, Казань.
- Д о м о к о ш П. 1993, История удмуртской литературы, Ижевск.
- Е м е л ь я н о в А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Е р м а к о в Ф. К. 1976, Характеристика дореволюционных удмуртских изданий. — 200 лет удмуртской письменности, Ижевск, 83—87.
- И в ш и н Л. М. 1998, Графические особенности удмуртско-русского словаря Захария Кротова. — Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии, Ижевск, 140—145.
- 2001, Некоторые графические особенности переводного Евангелия 1847 года. — Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Сыктывкар (Пермистика 8), 99—103.
- 2001а, Еще раз к вопросу о графике памятников удмуртской письменности. — Вордском кыл, № 6, 54—59.
- 2002, Письменный памятник удмуртского языка на основе латиницы. — Вопросы пермской и финно-угорской филологии, Ижевск (Пермистика 9), 194—201.
- 2002а, О некоторых диалектных особенностях Евангелия от Матфея 1847 года. — Первой удмуртской грамматике 225 лет. Сборник статей, Ижевск 153—158.
- 2002б, Об удмуртской орфографии XVIII века. — Вордском кыл, № 2, 57—62.
- 2004, О русско-вотском словаре 1820 года. — Формирование и развитие литературных языков Поволжья. Материалы V Международного симпозиума, Ижевск, 91—95.
- 2005, Удмуртский материал в «своде некоторых слов...» 1833 года. — Флор Васильев и современность. Материалы научно-практической конференции, Глазов, 135—136.
- 2006, Об «Азбуке» 1867 года Н. Блинова. — Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Материалы XI Международного симпозиума (30—31 марта 2006 г., Пермь), Пермь (Пермистика XI), 93—97.
- 2006а, Об орфографических особенностях первых печатных азбук удмуртского языка. — Ашмаринские чтения. Материалы межрегиональной конференции, Чебоксары, 101—107.
- 2007, Памятники удмуртской письменности как источник пополнения лексики удмуртского языка. — Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской (Москва, 12—16 ноября 2007 г.). Тезисы, Москва, 85—88.
- К а л а ш н и к о в а В. Г. 1976, Особенности удмуртского предложения на более раннем этапе его развития. — 200 лет удмуртской письменности, Ижевск, 99—103.
- К а р а к у л о в Б. 2004, Еще раз о вопросе строительства удмуртского литературного языка в 30-е годы XX века, или забытая страница истории удмуртской лингвистики. — *Permiek, finnek, magyarok. Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára*, Budapest (Uralisztikai Tanulmányok 14), 528—536.
- К а р а к у л о в Б. И. 1987, Диалектная основа удмуртского литературного языка. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук, Москва.
- 1987а, О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX века. — Пермистика. Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Сборник статей, Ижевск, 103—104.
- 1987б, Принципы изучения ранних текстов (на материале удмуртского языка). — Типы коммуникации и содержательный аспект языка, Москва, 184—191.

- 1991, К истории создания письменных памятников марийского и удмуртского народов. — Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья. Сборник статей, Ижевск, 115—123.
- 1997, Роль переводов Евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка. — Духовная культура финно-угорских народов. История и проблемы развития. Материалы международной научной конференции I. Языкознание. Фольклор и литературное краеведение, Глазов (Библиотека — книга — читатель), 3—8.
- 1997а, К истории формирования удмуртского литературного языка. Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии, Ижевск (Пермистика 4), 33—42.
- 2006, Удмурт литературной кылэн сюресэз. XVIII—XXI даурьёс. История удмуртского литературного языка. XVIII—XXI века, Ижевск.
- К е л ь м а к о в В. К. 1990, Современные диалекты и вопросы исторической фонетики удмуртского языка. — Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка, Ижевск, 85—97.
- 2001, О некоторых диалектизмах в языке ранних произведений М. Петрова. Лингвистическое эссе. — Река судьбы. Жизнь и творчество Михаила Петрова. Воспоминания, статьи, речи, письма, Ижевск, 318—332.
- 2001а, Первая грамматика удмуртского языка как феномен европейской духовной культуры XVIII века. — Вордскем кыл, № 5, 52—58.
- 2003, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка I, Ижевск.
- 2003а, Мои «встречи» с Кедром Митреем, или Кедром Митрей и удмуртские диалекты. — Опаленный подвиг Батыра. Жизнь и творчество Кедром Митрея. Воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедром Митрея, Ижевск, 192—202.
- 2003б, Из истории удмуртской графики (Б. Гаврилов и Г. Верещагин). — *Permistica et Uralica. Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére*, Pélyscsaba, 96—104.
- 2004, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2, Ижевск.
- 2004а, О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарapulьском наречии» удмуртского языка I. — *Permiek, finnek, magyarok. Írások Szij Enikő 60. születésnapjára*, Budapest (Uralisztikai Tanulmányok 14), 537—546.
- 2007, Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарapulьском наречии» удмуртского языка. — Вестник Удмуртского университета. Филологические науки, № 5, Ижевск, 17—24.
- М и х е е в ь И. С. 1907, Первая книга для чтения на вотском языке. Казань.
- М ы ш к и н М. 1795, Новая отяцкая грамматика [Несмотря на ряд сылок на эту рукопись, сама она еще не обнаружена].
- П о н о м а р е в К. А. 1976, Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР. — 200 лет удмуртской письменности, Ижевск.
- Р е ф о р м а т с к и й А. А. 2006, Введение в языкознание, Москва.
- С м и р н о в ь И. Н. 1890, Вотяки. Историко-этнографический очерк, Казань (Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском ун-те. Т. VIII, вып. 2).
- С р е з н е в с к и й И. И. 2007, Мысли об истории русского языка, Москва.
- Т а р а к а н о в И. В. 1959, Старинные словари удмуртского языка. — Удмуртская правда, 4 января.
- 1964, К вопросу истории и развития неслогового *й* в удмуртском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология, Москва—Ленинград, 75—82.
- 1976, Об особенностях развития островных говоров и некоторых явлениях языковой интерференции (На материале удмуртско-татарских языковых контактов). — Лингвистическая география, диалектология и история языка, Ереван, 272—282.
- 1977, Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века. — Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей и материалов, Ижевск, 85—100.

- 1998, К истории звуков. — И. В. Т а р а к а н о в, Исследования и размышления об удмуртском языке. Сборник статей. Пособие для высших учебных заведений, Ижевск, 78—94.
- 1998а, О старинных рукописных словарях удмуртского языка. — И. В. Т а р а к а н о в, Исследования и размышления об удмуртском языке. — Сборник статей. Пособие для высших учебных заведений, Ижевск, 330—338.
- 2000, Литературный язык. — Удмуртская республика. Энциклопедия, Ижевск, 458.
- 2001, История удмуртской графики. — CIFU IX. Pars VI, 297—301.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1965, Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. 1, Москва.
- 1965а, Из истории удмуртской графики. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений, Сыктывкар, 111—116.
- 1970, Мена бессермянских шипящих и свистящих аффрикат палатальными согласными. — СФУ VI, 63—66.
- 1971, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья. — СФУ VII, 5—12.
- 1971а, Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова. — СФУ VII, 129—139.
- 1972, Об одном волжско-камском ареальном явлении. — Советская тюркология, № 3, 35—40.
- 1973, Морфологические диалектизмы в словаре З. Кротова. — Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2, Ижевск, 224—226.
- Ф и л и н Ф. П. 1981, Истоки и судьбы русского литературного языка, Москва.
- A m i n o f f, T. G. 1886, Wotjakilaisia kielinäytteitä. — JSFOu I, 32—55.
- C s ú c s S. 1983, 18. századi votják nyelvemlék. — NyK 85, 311—320.
- 1984, A votják nyelv a 18. században. — NyK 86, 63—80.
- D o m o k o s P. 1975, Az udmurt irodalom története, Budapest.
- M u n k á c s i B. 1883, Wotják nyelvmutatók. — NyK XVII, 247—302.
- 1887, Wotják népköltészeti hagyományok, Budapest.
- 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
- S t r a h l e n b e r g, P. J. 1730, Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet..., Stockholm.
- W i c h m a n n, Y. 1893, Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche, Helsingfors.
- 1901, Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen, Helsingfors.
- 1901а, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Helsingfors.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

ÄLTERE UDMURTISCHE SCHRIFTDENKMÄLER IN DER PHILOLOGIE UND HOCHSCHULAUSSCHULUNG

In diesem Beitrag wird die vielseitige Bedeutung der älteren udmurtischen Schriftdenkmäler aus dem 18. Jahrhundert bis zu Beginn des 20. Jahrhunderts als Quellenmaterial beim Studium der udmurtischen Sprache erschlossen. So dienen diese Werke der Bereicherung der Sprache, ihrer schriftsprachlichen Entwicklung und der Verbesserung der Hochschulausbildung in der udmurtischen Philologie. Deshalb ist es notwendig, solche Schriften entweder im Original oder wenigstens als Kopie in einem der führenden Studienzentren, so etwa an der Udmurtischen Staatlichen Universität zu sammeln und für die Nachwelt aufzubewahren.

